

Безгодов Дмитрий Николаевич

проректор по учебно-воспитательной работе
и социальным вопросам,
доцент кафедры философии
и методологии образования
Ухтинского государственного
технического университета

**ИРОНИЯ В СОКРАТИЧЕСКОМ
МЕТОДЕ: МЕХАНИЗМ
И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ**

Аннотация:

В ходе мысленного эксперимента обоснована невозможность самоиронии, в результате получено аналитическое описание механизма иронии. Показана социокультурная обусловленность ее применения в философском методе Сократа. Сократическая ирония представлена как инструмент противодействия софистической тактики в конкретной ситуации античного философского диалога.

Ключевые слова:

Сократ, софисты, метод философствования, ирония, самоирония, насмешка, социокультурный контекст, релятивизм, предметно-альтернативное мнение.

Bezgodov Dmitry Nikolayevich

Vice Rector for Academic and Social Affairs,
Assistant Professor,
Department for Philosophy
and Methodology of Education,
Ukhta State Technical University

**IRONY IN SOCRATIC
METHOD: MECHANISM
AND RELATIVE VALUE**

Summary:

In the course of mental experiment, the author justifies the impossibility of self-irony, as a result, an analytical description of the mechanism of irony has been developed. The article shows the sociocultural conditionality of irony application in the philosophical method of Socrates. The Socratic irony is considered as a tool of counteraction of sophistical tactics in a particular situation of an antique philosophical dialogue.

Keywords:

Socrates, sophists, philosophizing method, irony, self-irony, sneer, sociocultural context, relativism, alternative opinion.

Наука в развитии открывает такие предметные поля, которые без нее были бы недоступны человеку. Техническая оснастка научного наблюдения и эксперимента позволяет расширять границы чувственного восприятия. Развитый математический аппарат дает возможность формировать понятия о предметах, немислимых в пространстве любого житейского или профессионально-практического опыта. И все-таки наука отличается от других типов человеческой деятельности не предметами приложения исследовательских усилий, а способом. В период возникновения и становления она имела дело с теми же объектами, что и ремесло или бытовая практика. Просто наука иначе взглянула на привычные вещи.

Поэтому ее самой характерной чертой стало пристальное внимание к методу – тому особому способу освоения действительности, который делает науку наукой. В этом отношении наука и философия едины. Во всяком случае даже скупые сведения о первом в истории европейской мысли философе Фалесе позволяют отчетливо сформулировать тему метода: он предлагал доказательство для истин, казавшихся его современникам непреложными, тем самым обнаруживая, что возможны более строгие и надежные представления о достоверности знания, нежели житейская очевидность [1]. С тех пор стремление отличить знание от мнения становится родовым признаком философа и ученого. Однако тема метода как системы познания, представляющей собой иерархию четко определенных принципов и приемов, возникает в истории философии только в связи с именем Сократа [2]. Его учение – первый сохранившийся пример развернутого философского дискурса. Благодаря диалогам Платона мы знаем, как философствовал Сократ, и можем фиксировать особенности его метода.

Такие понятия, характеризующие метод Сократа в целом, как диалектика, диалог, майевтика, рефлексия, а также большинство элементов метода – гипотеза, дефиниция, аналогия, индукция, дедукция и т. п. – представляются рационально определяемыми, логически занимающими свое место в методе.

Но есть у Сократа два элемента, долженствующие пробуждать некоторое удивление, поскольку они не оправдывают понятных рациональных ожиданий. Это – ирония и доверие к даймоному. Предмет нашего анализа — ирония. Попробуем обнаружить механизм феномена, привычно ассоциирующегося только с эмоциональной стороной человеческой жизнедеятельности. Постараемся определить ее роль в исключительно, казалось бы, рациональном методе Сократа.

«– Фрасимах, не сердись на нас. Если мы – я и вот он – и погрешили в рассмотрении наших доводов, то, смею тебя уверить, погрешили невольно <...> Ужели же мы так бессмысленно уступаем друг другу и не прилагаем всяческих стараний <...> Нет, это, по-моему, просто оказалось выше наших сил <...>».

Услышав это, Фрасимах усмехнулся весьма сардонически и сказал:

– О, Геракл! Вот она, обычная ирония Сократа! Я уж и здесь всем заранее говорил, что ты не пожелаешь отвечать. Прикинешься простачком и станешь делать все что угодно, только бы увернуться от ответа, если кто тебя спросит» [3].

Бедный Фрасимах – софист, оппонировавший Сократу в первой книге «Государства», – предчувствует, что его желание блеснуть умом и познаниями по вопросу о справедливости, а заодно и подзаработать денег [4, с. 92] вряд ли осуществится, потому что начинает работу «обычная ирония Сократа». В конечном счете Фрасимах потеряет больше, чем мог бы заработать за это конкретное поучение, ведь под воздействием сократической иронии будет прилюдно ущемлен его авторитет как учителя мудрости и, естественно, расценки на его уроки должны будут на ближайшее время несколько упасть. Но он не в силах устоять, втягивается в разговор, вынося на публичное обсуждение именно то мнение, которое, как он предчувствует, может стать предметом очень жесткой критики со стороны Сократа, показывая тем самым, что ни «механизма», ни силы, ни назначения сократической иронии он до конца не понимает.

Чтобы понять место и значение иронии в методе Сократа, а также ее социокультурную условность (вопреки попыткам романтиков абсолютизировать иронию), рассмотрим феномен иронии как таковой.

Прежде всего отметим, что ирония в первичном самоопределении предстает как диалогическая ситуация, а не психологическое состояние или физический факт. Чтобы осознать это различие со всей очевидностью, воспользуемся дидактическим приемом: зададимся вопросом о существовании относящегося к нашей теме невозможного, но имеющего имя, а в силу этого признаваемого многими возможным феномена. Спросим себя, реальна ли самоирония? Вопрос не тривиален хотя бы потому, что имеется социологически доказуемый факт – многие люди уверены, что можно быть ироничным по отношению к самому себе. Впрочем, такое же мнение встречается в некоторых посвященных Сократу исследованиях. Это свидетельствует о том, что не только в житейских обстоятельствах, но и в пространстве научных изысканий феномен иронии не всегда подвергается пристальному анализу, а, напротив, зачастую берется в поверхностно-житейском понимании. Тем более необходимо его подробное рассмотрение.

Первый признак иронии – смех. Ситуация иронии подвижна и направлена к смеху. Это не значит, что он является целью иронии, но, по меньшей мере, с необходимостью сопутствует ей, поначалу неявно, распознаваемый не всеми участниками ситуации, а после – открыто выступая самым ярким свидетельством ее разрешения. Смех при иронии бросается в глаза, точнее – в уши. В известной степени он скрывает собой действующий механизм и цель иронии. Те, кто считает возможной самоиронию, вводят в заблуждение именно смехом, практически отождествляя иронию и насмешку. Разве нельзя посмеяться над собой? Можно. Но в том и дело, что посмеяться над своими ошибками, недостатками, иллюзорными планами и т. п. возможно, а развернуть по отношению к ним ситуацию иронии – нет. Помимо смеха она обладает рядом элементов и этапов, полное и последовательное применение которых человеком к себе нереально, как и их изъятие из состава ситуации иронии. Они имманентны ей, не отменимы в опыте иронии. Что это за элементы и этапы?

Рассмотрим понятную и неоспоримо существующую иронию человека по отношению к другому в присутствии свидетелей.

Она может быть направлена на ошибку или даже физический недостаток. Иронизирующий, если он желает сохранить ситуацию иронии в ее существе, не должен подвергать их прямому осмеянию. Поначалу он не разоблачает неведения оппонента о его ошибке или недостатке. Этот момент незнания собеседника следует подчеркнуть. Именно на него всегда направлена ирония. Поэтому можно утверждать, что объектом является ошибочное или мнимоошибочное мнение другого, и только мнение. Даже если осмеянию подвергается физический недостаток, непосредственным объектом служит ошибочное мнение человека о себе: незнание этого недостатка (не заметил, как появилось брюшко), непонимание несовместимости физического свойства с личным проектом (при росте метр шестьдесят пришел записываться в баскетбольную секцию) либо временное забвение недостатка и неосмотрительное выставление его напоказ в поведении или речи (вспомним бедного, влюбленного и благородного Сирано, осыпанного ироничными уколами Кристиана).

Итак, непосредственный объект иронии – мнение другого человека, которое иронизирующий считает неправильным. Даже интеллектуальные или нравственные причины ошибочности мнения (например ограниченность знаний, слабость памяти, воображения, отсутствие логики в

рассуждениях или жадность, наглость и т. д.) не являются ее объектами. Иронизирующий может ухватиться только за неверное мнение.

Ясно, что ирония невозможна, если мнение отрицается прямо. Это была бы просто насмешка или предваряющее диспут заявление антитезы. Ситуация иронии начинается с мнимого согласия иронизирующего с мнением собеседника. Боле того, иронизирующий как бы уступает поле рассуждения оппоненту или чаще выманивает его на это поле (если ранее тот и не думал рассуждать). Намеками, вопросами, похвалой, просьбами о помощи в прояснении сложного предмета иронизирующий провоцирует сделать ошибочное мнение посылкой для ряда умозаключений, положить его в основу выводов.

Если слабый шахматист похвалился недавней победой над еще более неумелым, можно посоветовать ему вспомнить и записать партию, отправить ее на Всероссийский конкурс, «запатентовать» этот дебют и присвоить ему свое имя. Углубившись в анализ партии, плохой игрок непременно начнет высказывать «слабые мысли», чем больше он их выскажет, тем легче можно найти среди них противоречащие друг другу или общеизвестным шахматным правилам. В конце концов мнимый шахматист, договорившись до абсурда, либо сам поймет нелепость своих притязаний, ошибочность мнений, либо свидетели, если таковые есть, укажут ему на это смехом и замечаниями. Несообразность притязания (мнения) с действительным положением дел при полной уверенности человека в обратном всегда комична. Поэтому смех в ситуации иронии – пусть сдержанный – неизбежен.

Из сказанного следует, что иронизирующий непременно должен держать в сознании два мнения: собеседника, по отношению к которому разворачивается ирония, и собственное, предметно-альтернативное первому, которое иронизирующий должен считать более правильным, чем первое.

Ситуация иронии движется от мнимого согласия к выявлению поначалу скрытого, более правильного мнения. Даже если по содержанию последнее будет простым утверждением ложности исходного, оно все же станет предметно-альтернативным ему. Пусть мы не знаем с абсолютной определенностью, что такое справедливость, но мы твердо уверены, что мнение Фрасимаха, будто справедливость – это то, что пригодно сильному, – ложно, ибо приводит к абсурдным выводам [5].

Здесь обнаруживается ясное и непреодолимое логическое препятствие к самоиронии. Можно скрыть какое-либо наличное мнение от другого, но нельзя – от себя. Без такого скрытого мнения иронии не существует. Она, не успев освоиться, вырождается в насмешку и только по внешним, второстепенным признакам остается похожей на саму себя: жестами, фигурами речи, мимикой, позой ироничного человека.

Таким образом, ирония – это диалогическая ситуация развития беседы от мнимого согласия одного из ее участников с мнением другого к выявлению через ряд диалектических приемов его абсурдности и предпочтительности иного предметно-альтернативного мнения, которое обладающий им собеседник поначалу скрывал. В силу комичности положения оппонента, по отношению к которому разворачивается ирония, с нею неминуемо сопряжен смех, а значит, момент стыда и некоторого унижения (перед собеседником и свидетелями разговора, если они есть) того, кто на протяжении всей ситуации иронии придерживался ошибочного мнения, договорился до очевидных абсурдов и тем самым проявил недалекость ума. Хотя, как уже показано, не сила ума как таковая может быть объектом иронии, а только мнение.

Какова методологическая ценность иронии? Нужна ли она? Зачем смеяться над собеседником, для чего унижать его? Разве нельзя напрямую, без обиняков высказать несогласие и, апеллируя к неоспоримым фактам, посредством логически правильных умозаключений опровергнуть мнение оппонента и обосновать достоверность собственного? Такая стратегия диспута представляется и более научной, и более нравственной. Необходимо признать, что методологическая ценность иронии условна. Она может оказаться необходимой (точнее предпочтительной), но обусловленной не логикой познания или природой познающего ума, но социокультурной и психологической атмосферой, в которой разворачивается то или иное философское или научное исследование.

Сократ, стремясь избавить сознание близких ему людей – соотечественников – от ложных мнений и направить их умы к истинному знанию, практически, то есть в повседневном процессе просвещения, не мог доказывать свои утверждения напрямую. Он вынужден был иронизировать. В противном случае ему пришлось бы тратить слишком много времени и сил. Почему? Потому что он чаще всего имел дело с софистами или рассуждал в их присутствии. Так или иначе он философствовал среди людей, высоко ценящих софистическое искусство и с удовольствием практикующих его.

Софист периода афинской демократии, даже если он не декларирует релятивизма, является релятивистом на практике. Победу в конкретном споре он ставит гораздо выше познавательных интересов или нравственных добродетелей. С софистом спорить трудно, поскольку он не стыдится софизмов. Он всегда готов к подмене тезиса, стоит ему только почувствовать шаткость позиции, он прибегнет к этой уловке, попробует искусной риторикой затуманить логику рассуждений либо психологическим давлением сбить оппонента с толку. Софистических тактик много, конкретных приемов еще больше [6]. Это значит, что данному собеседнику нельзя напрямую указывать на недостатки его мнения или системы мнений (позиции, учения, теории) – он увильнет. Ложность выводов не будет продемонстрирована так определенно, как этого хочет влюбленный в истину Сократ.

Поэтому Сократ вынужден задействовать механизм иронии. А роль катализатора процесса выполняет публика – свидетели речей софистов, не позволяющие им врать напрямую. Поэтому, наверное, софист Клитофонт с таким ядом реагирует на слова Полемарха, похвалившего Сократа.

«– Да, клянусь Зевсом. Сократ, – воскликнул Полемарх, – это совершенно ясно!

– Особенно если ты засвидетельствуешь это Сократу, – вступил в беседу Клитофонт» [7].

Продолжим цитировать фрагмент, чтобы отметить еще одну особенность философствования Сократа.

«– Но под пригодным сильнейшему Фрасимах понимал то, что сам сильнейший считает для себя пригодным, – возразил Клитофонт...

– Нет, Фрасимах не так говорил, – сказал Полемарх.

– Не все ли равно, Полемарх, – заметил я (Сократ. – Д. Б.), – если Фрасимах теперь говорит так, то мы так и будем его понимать» [8].

Как видим, сам Сократ не стремится к формальной победе в споре, ему важно исследовать тему по существу, а значит, и позиция оппонента его интересует в самом ее существе, а не так, как она может быть представлена в случайном выражении.

Тезис о социокультурной условности сократической иронии имеет объективное историко-философское подтверждение. Суть его в том, что ирония как методологический прием практически исчезает из философского обихода с завершением античного периода в истории философии. Она не востребована средневековой христианской философией, да и в Новое время магистральная философская традиция – европейский рационализм, эмпиризм и критицизм – не испытывает специальной нужды в ней. Если ирония и находит устойчивое употребление, то в философское межсезонье – эпохи Возрождения, Просвещения – наконец философский романтизм. Ирония плохо вяжется как с христианской нравственностью, обращающейся к совести человека и предполагающей, что лукавство скорее вредит лукавому человеку, чем тому, кого он обманывает, так и с нормами научного дискурса, снимающими нужду во всяком притворстве. Ведь в пространство научного диалога должны попадать люди, равнопредельно заинтересованные в знании вещей как они есть по истине бытия.

Да, романтики пытаются придать иронии метафизический статус, абсолютизируя ее в качестве единственно адекватной познавательной установки человека перед лицом непостижимого божества, Абсолюта, не схватываемого в определениях человеческого разума [9]. Сократ чужд абсолютизации иронии. Попытки истолковать его иронию как метафизическую позицию следует считать историко-философской натяжкой. Хотя некоторый повод такой трактовке может дать образ божества (Аполлона. – Д. Б.) из «Апологии Сократа» [10], говорящего намеками (в известном смысле иронизирующего). Здесь Сократ, узнав, что дельфийское божество через Пифию сказала Херефонту, что никого нет мудрее Сократа, и предприняв исследование для выяснения смысла этих слов, приходит к выводу, что никакой мудростью он не обладает, кроме понимания отсутствия мудрости.

Дельфийский оракул мог бы сказать напрямую, что мудр только Бог, но он посчитал нужным иронией (преувеличенной похвалой Сократу) по поводу человеческой мудрости спровоцировать философа на исследование. Однако и это обстоятельство (ироничность Аполлона) не приводит Сократа к абсолютизации иронии и нигилизму. В конечном счете вся диалектика Сократа – поиск такого источника добродетели, который един, как Бог Ксенофана, независим от вещных воздействий, как Ум Анаксагора, а тем самым – превышает власть удельных богов греческого пантеона. Так что если Аполлон и «иронизирует», то не потому, что ирония – предельная, божественная форма познания или выявления знания, а потому, что греков лишь провокацией можно было сподвигнуть к изучению самих себя, к не софистическому, но философскому вопрошанию о человеке.

Итак, ирония имеет сугубо методологическое назначение в общем контексте сократического метода философии. Ирония Сократа обусловлена заданной софистами, социокультурной атмосферой жизни и дела великого афинского мыслителя.

Ссылки:

1. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989 ; Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976 ; Богомолов А.С. Античная философия. М., 1985.
2. Фрагменты ранних греческих философов ... ; Асмус В.Ф. Указ. соч. ; Богомолов А.С. Указ. соч. ; Философский энциклопедический словарь. М., 1989 ; Лосев А.Ф. Платон. Аристотель / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1993 ; Кессиди Ф.Х. Сократ. М., 1988 ; Нерсисянц В.С. Сократ. М., 1977 ; Гайденоко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М., 2000 ; Чанышев А.Н. Курс лекций по Древней философии. М., 1991 ; Виндельбанд В. История философии. Киев, 1997 ; Реале Р., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. М. ; СПб., 1994 ; История западноевропейской философии. М., 1998.
3. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3: Государство. М., 1994. 336 е – 337 а.
4. Там же. С. 92.
5. Там же. Кн. 1.
6. Давыдов Г.Д. Искусство спорить и острить // Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб., 1997.
7. Платон. Собрание сочинений. Т. 3.
8. Там же.
9. Лосев А.Ф. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М., 1996 ; Гулыга А.Н. Немецкая классическая философия. М., 1986 ; Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.
10. Платон. Собрание сочинений. Т. 1.

References:

1. *Fragments of the early Greek philosophers* 1989, part 1, Moscow; Asmus, VF 1976, *Ancient philosophy*, Moscow; Bogomolov, AS 1985, *Ancient philosophy*, Moscow.
2. *Fragments of the early Greek philosophers* 1989, part 1, Moscow; Asmus, VF 1976, *Ancient philosophy*, Moscow; Bogomolov, AS 1985, *Ancient philosophy*, Moscow; *Philosophical Encyclopedic Dictionary* 1989, Moscow; Losev, AF 1993, *Platon. Aristotle*, Moscow; Cassidy, FH 1988, *Socrates*, Moscow; Nersesyants, VS 1977, *Socrates*, Moscow; Gaidenko, PP 2000, *The history of Greek philosophy in its relation to science*, Moscow; Chanyshev, AN 1991, *Lectures on ancient philosophy*, Moscow; Windelband, V 1997, *History of Philosophy*, Kyiv; Reale, R & Antiseri, D 1994, *Western philosophy from the beginnings to the present day*, vol. 1, Moscow; Reale, R & Antiseri, D 1994, *Western philosophy from the beginnings to the present day*, vol. 1, St. Petersburg; *The history of Western philosophy* 1998, Moscow.
3. Platon 1994, *Collected Works*, in 4 vols., vol. 3: The State, Moscow, 336 s - 337 a.
4. Platon 1994, *Collected Works*, in 4 vols., vol. 3: The State, Moscow, 336 s - 337 a, p. 92.
5. Platon 1994, *Collected Works*, in 4 vols., vol. 3: The State, Moscow, 336 s - 337 a, book. 1.
6. Davydov, GD 1997, 'Art of arguing and witty', *Z. Freud Jokes and Their Relation to the Unconscious*, St. Petersburg.
7. Platon 1994, *Collected Works*, vol. 3.
8. Platon 1994, *Collected Works*, vol. 3.
9. Losev, AF 1996, 'The irony of the ancient and romantic', *Aesthetics and Art*, Moscow; Guliga, AN 1986, *German classical philosophy*, Moscow; *Literary manifestos Western romantics* 1980, Moscow.
10. Platon 1994, *Collected Works*, vol. 1.